

*О.В. Семенов***О времени возникновения системы
регулярного сообщения в Сибири****O.V. Semyonov***Concerning the Time of the Beginning
of the Regular Communication in Siberia**

Рассматривается процесс зарождения профессиональной ямской гоньбы «за Камнем». Анализируются причины отказа от подводной повинности коренного населения, сделан вывод об огромной роли ямщиков в деле укрепления позиций Москвы в Сибирском крае.

Ключевые слова: ямская гоньба, система сообщения, Верхотурский ям, ямщик, воевода, Сибирь, коммуникации.

Постепенное продвижение в Сибирь поставило перед московскими властями задачу по укреплению своих позиций в крае, его освоению и развитию. Непременным условием этого являлось налаживание системы регулярного сообщения с далекими «закаменными» территориями. Вот почему здесь уже вскоре зарождается профессиональная ямская гоньба.

Следует отметить, что в исторической литературе до сих пор нет единства по вопросу о времени возникновения самого раннего и, пожалуй, наиболее важного за пределами Уральского хребта яма – Верхотурского. В первую очередь это объясняется нехваткой источникового материала. К сожалению, до нас не дошли ни «строельная» книга Верхотурского яма, ни большинство других сопутствовавших его появлению документов. Подавляющее большинство исследователей относили это событие либо к 1599 г. [1, с. 38; 2, с. 37], либо к 1600 г. [3, с. 19; 4, с. 52; 5, с. 47; 6, с. 432]. По предположению И.Я. Гурлянда, решение об основании Ямской слободы могло быть принято в Москве одновременно с распоряжением о строительстве Верхотурья в конце 1597 г. Однако сам ям появился позже (в промежутке между 1599 и 1600 гг.). К непосредственному же осуществлению своих обязанностей ямщики приступили до ноября 1600 г. [7, с. 177, прим. 3]. В качестве доказательства ученый сослался на текст челобитной 1644 г. В ней верхотурские ямские охотники указывали на предоставленную им царем Федором Ивановичем «уставную грамоту», которая в последующем была утрачена [8, с. 393]. На самом деле трудно сказать, планировало ли правительство уже при

The paper considers the beginning of professional mail service in Siberia, the reasons for refusal from cart conscription per head of the native population, the prominent role of mail coachmen in the cause of strengthening Moscow positions in the region.

Key words: stagecoach mail transportation, means of communication, Verkhoturksy mail staging post, coachman, voivode, Siberia, communications.

строительстве новой перевалочной базы в Сибирь учреждать ям. К тому же остается под вопросом сам факт существования отмеченного выше документа. Между тем изучение обнаруженных нами в фонде Сибирского приказа (Российский государственный архив древних актов – РГАДА) источников, а также вдумчивое прочтение уже опубликованных материалов проливают дополнительный свет на вопрос о времени оформления профессиональной ямской гоньбы «за Камнем».

Известно, что в Сибири обязанность по транспортировке казенных грузов и следовавших по государственной необходимости должностных лиц первоначально ложилась главным образом на плечи коренного населения. По всей видимости, это объяснялось нехваткой собственно русских насельников [9, с. 119]. Впрочем, непривычность и тяжесть гоньбы (которую усиливало то обстоятельство, что аборигены одновременно продолжали уплачивать ясак пушной) вызывали постоянные жалобы с их стороны. Так, в Верхотурском уезде в конце XVI в. основное бремя подводной повинности несли лялинские вогуличи (около 30 чел.). В одной из своих челобитных они подчеркивали, что «гоняют» зимой и летом «с Ляли» до Соликамска, Тюмени и Пелыма, претерпевая при этом убытки и «обиды великие». Под последними подразумевалось присвоение служилыми людьми вогульских лошадей и конской упряжи. Обременяло подводную повинность и удручающее состояние Бабиновской дороги [10, с. 24–25]. Любопытно, что аборигены пока еще не отказывались от выполнения гоньбы, ходатайствуя лишь о не-

* Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», ГК 02.740.11.0578.

котором облегчении своей участи. Ответная царская грамота (от 28 апреля 1599 г.) удовлетворяла их просьбу. В соответствии с ней верхотурскому воеводе князю И.М. Вяземскому и письменному голове Г.С. Салманову предписывалось убавить с инородцев ясак, «смотря по тамошнему делу, чтоб их не разогнати», и впредь оберегать от насилий со стороны проезжих людей [11, с. 371–372]. Незадолго до этого, в декабре 1598 г., местным властям указывалось предоставлять вогульские или находившиеся в Верхотурье усольские подводы только «скорым гонцам». Всех остальных людей, которые ехали в Соликамск «с обычными грамотами, а не с вестьми», следовало отпускать пешими. Впрочем, неясно, насколько было осуществлено данное распоряжение [10, с. 10].

Тяжестью подводной повинности были недовольны аборигены и других сибирских уездов. Так, еще в начале 1599 г. отправлявшимся из Москвы на тобольское воеводство С.Ф. Сабурову «с товарищи» был выдан наказ. Из приложенной к нему памяти следовало, что еще ранее на царское имя били челом «сибирские служилые и ясачные татарове всех сибирских городов». Инородцы отмечали, что вынуждены предоставлять под «всяких» людей «подводы и проводники, а водяным путем – суды и гребцов». В случае отсутствия средств передвижения «гонцы» их «бьют и мучат на правезу». Между тем «ямов... у них меж городов нет». От всей этой «тесноты» и «насильства великого» многие из аборигенов разбегаются. В заключение они просили «меж сибирских городов по волостям, в которых волостях пригож, ямы устроить, и подводы и суды на ямах держать, и ближние волости на те ямы приписать и ясаков с тех волостей не имати» [12, л. 126–127об.]. Правительство вынуждено было прислушаться к этим просьбам. Не случайно, согласно той же памяти, С.Ф. Сабурову «с товарищи», «едучи дорогою от Соли Камской до Верхотурья и до Тюмени, и до Тоболсково», предписывалось «говорить татаром и остяком и вагуличом», что «вперед с них подвод и проводников не будет, а велено меж сибирских городов устроить ямы, и подводы и проводников держати на ямах» [12, л. 184].

По прибытии в Тобольск воеводам следовало осуществить широкий сыск, который должен был охватить не только разрядный центр, но также и некоторые из западносибирских уездов. В ходе него им вменялось в обязанность «роспросити всяких служилых людей и юртовских волостных татар» о том, в каких волостях между сибирскими городами «ямы пригож устроить», и в каком количестве, «и по сколку человек на яму татар ясачных устроить, и по сколку им подвод на яму держати, и с которые волости х которому яму приписать, и почему с тех волостей ясаку емлют». По итогам следствия тобольские власти должны были, «смотря по тамошнему делу, как бы государю было прибыльнее», а инородцам «лехче», устроить

ямы и приписать к ним отдельные ясачные волости, предварительно освободив их от уплаты дани. Лишь в том случае, если «меж сибирских городов ямов устроить и с волостей ясак сложити без государева указа» будет «немочно», им следовало «отписати» в Москву и ждать соответствующих распоряжений из приказа Казанского и Мещерского двorca [12, л. 127об.–129].

Можно только гадать, насколько было реализовано это намерение. Во всяком случае, в положении лялинских вогуличей ничего не изменилось. Во второй половине 1599 г. они по-прежнему отправляли гоньбу (с одновременной уплатой ясака) и, как и ранее, жаловались на ее обременительность и злоупотребления со стороны проезжих лиц. Новым было лишь то, что в своих челобитных вогуличи уже напрямую просили об освобождении от повинности, подчеркивая, что «вперед им от подвод прожить не мочно» [13, с. 43–44]. По всей видимости, к этому моменту в Москве наконец-то осознали всю необходимость в налаживании с краем более надежной и качественной связи, которую могли обеспечить лишь профессиональные ямщики. К тому же в условиях непрочности своих позиций центральные власти не желали обострять и без того беспокойную обстановку «за Камнем». Вот почему царской грамотой (от 25 ноября 1599 г.) верхотурскому воеводе князю И.М. Вяземскому и письменному голове Г.С. Салманову сообщалось о правительственном решении освободить лялинских вогуличей от гоньбы и «ям на Верхотурье... устроить вскоре», о чем «наш (царский. – О.С.) указ будет». До тех пор, пока распоряжение об учреждении профессиональных ямских охотников не пришло, приказной администрации предписывалось поставить под свой более пристальный контроль функционирующую в уезде подводную повинность. В частности, воеводы должны были задерживать все прибывавшие из Соликамска подводы с проводниками, «кормить» их и отпускать назад только под уезжавшими людьми. Лишь в случае отсутствия в Верхотурье усольских средств передвижения к перевозке «гонцов» следовало привлекать лялинских вогуличей. Кроме того, приказные власти обязывались следить за сохранностью лошадей: если в ходе поездок последние получали увечья или вовсе не возвращались, то надлежало осуществить сыск, по итогам которого с виновного в пользу владельцев подвод взыскивались убытки [13, с. 44–45]. Учитывая время, необходимое для преодоления расстояния от Москвы до Верхотурья, а также реализации пока еще отсутствующего указа «о ямах», можно предположить, что профессиональные ямские охотники, прибранные из русского населения, появились на территории Зауралья только в следующем году. Именно тогда их впервые начинают фиксировать источники. К непосредственной

же гоньбе, как явствует из более поздней ямской челобитной (1619 г.), они приступили не раньше осени 1600 г. [8, с. 74].

Таким образом, в Москве не сразу приняли решение об учреждении «за Камнем» профессиональной ямской гоньбы. Поначалу все правительственные мероприятия сводились к попыткам обычного реформирования подводной повинности коренного

населения. Однако потребность в налаживании более прочных связей с «далекой государевой отчиной», а также желание не спровоцировать ясных инородцев на «шатость и измену», привели к организации здесь в 1600 г. Верхотурского яма. Его возникновение послужило началом складывания системы регулярного сообщения на бескрайних просторах Сибири.

Библиографический список

1. Вигилев А.Н. История отечественной почты. – М., 1979. – Ч. 2.
2. Виташевская М.Н. Старинная русская почта. – М., 1962.
3. Бординских Г.А., Шилов В.В. Бабиновская дорога – путь длиной в 400 лет. – Березники, 1998.
4. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Тюмень, 1999. – Т. 1.
5. Дмитриев А.А. Пермская старина. – Пермь, 1897. – Вып. 7.
6. Кривошеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. – Пермь, 1910.
7. Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. – Ярославль, 1900.
8. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (АИ). – СПб., 1841. – Т. 3.
9. Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург, 2002.
10. АИ. – СПб., 1841. – Т. 2.
11. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М., 1999. – Т. 1.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 214. – Оп. 1. – Кн. 2.
13. Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. – М., 1982. – Вып. 1.